

В.И. Чуешов
РИТОРИКА СТАРАЯ, НОВАЯ И АРГУМЕНТАЦИЯ

Рассматриваются философские основания старой и новой риторики, выявляется их единство и различие, а также связь с проблемами аргументации. Обосновывается единство старой и новой, а также аргументационно-центричной и экспрессивно-центричной риторики.

This article deals with the philosophical backgrounds of old and new rhetoric, their differences and similarities, as well as their connection with argumentation. The author explains the unity of old and new rhetoric as well as of argumentative-centric and expressive-centric rhetoric.

Ключевые слова: *риторика, риторика старая, риторика новая, аргументация, аргументационно-центричная риторика, экспрессивно-центричная риторика.*

Keywords: *rhetoric, old rhetoric, new rhetoric, argumentation, argumentative-centric rhetoric, expressive-centric rhetoric.*

Введение

В современной аргументологии как философии теории и практики аргументации образ человека аргументирующего является многоуровневым. В тех контекстах коммуникации, в которых особенности интеракции ее субъектов можно вынести за скобки анализа, человек аргументирующий призван действовать как человек логический (*Homo logicus*).

Логика как наука о формах (структурах) мышления и языка является фундаментом цивилизации, а также естественно-научного познания, мира технологии и техники.

В социогуманитарном познании, социально-политической и экономической реальности, а также в

культуре мы принципиально не всегда можем абстрагироваться от потребностей, интересов различных сторон коммуникации. Там и тогда, где и когда потребности и интересы людей мы не можем не принимать в расчет, образ человека аргументирующего трансформируется из Homo logicus в Homo rhetoricus.

Сфера компетенции Homo rhetoricus, как человека аргументирующего начинается там, где аргументатор выходит за границы твердо установленных истин и вступает в мир правдоподобного, вероятностного знания.

Двигаясь во вселенной такого знания, он должен определенным образом учитывать свои и чужие интересы и потребности, понимать смысл, стоящих перед ним проблем, а также принимать в расчет выразительность, красоту и эффективность вербального дискурса. Наукой об этих сторонах коммуникации людей и является *риторика*.

В истории европейской культуры риторика чаще всего предстает перед нами в облике двуликого Януса — науки об убеждении и искусства говорить красиво.

Еще средневековые художники изображали ее в виде божества с лилией, символом красноречия во рту и мечом — символом убеждения, в руках. Это различие меча и лилии сыграло в истории риторики особую роль, фактически, предопределив особенности трансформации ее предметной области, революционных преобразований ее корпуса и образовательные перспективы.

1.Риторика старая

Родоначальниками риторики вообще, фактически, классической или старой риторики были Эмпедокл, Коракс, Тизий.

Если в эпоху Геродота, древние греки предпочитали решать спорные вопросы с помощью военной си-

лы, то уже во времена Эмпедокла, Коракса, Тизия и Протагора они все чаще обращались к разрешению спорных вопросов посредством переговоров и посланников [4, с.15,19]. В практике переговоров выковывалась новая технология обращения с мыслью и словом, формировалось представление о том, что «упрямо не верить неопровержимым доводам, — на что обращал внимание Эмпедокл, — свойство никчемных людей» [7, Ч.I, с.344].

В таком контексте высказывание ученика Эмпедокла Коракса о том, что «красноречие — есть работница убеждения» [5, Т.ХХХVI, с. 815] было, как осмысленным, так и глубоким.

Об онто-гносеологических основаниях старой, или классической риторики до сих пор проще всего составить представление, обратившись к спору, основателя первой европейской риторической школы на Сицилии Коракса со своим учеником Тизием.

Рассматривая фабулу данного спора, полезно иметь в виду, что Тизий уже изучил курс риторики у Коракса. В жизни он должен был по договору заплатить ему за обучение после своей первой победы в суде — обучение в школе риторики было практико-ориентированным. Однако Тизий не спешил принять участие в каких-либо судебных разбирательствах и ничего не платил Кораксу.

Тогда учитель подал на своего бывшего ученика в суд. Тизий, принимая вызов в суд, рассуждал в соответствии с риторическими уроками своего учителя следующим образом: «Если я выиграю, то не буду платить по решению суда, ну, а если проиграю, то, опять же, не буду платить, потому что условия моего соглашения с Кораксом не выполнены. Поэтому, независимо от того, проиграю или выиграю в суде, платить мне не придется». На это Коракс возражал в том смысле, что если он выиграет дело в суде, то Тизий заплатит

ему по решению суда, а если проиграет, то ученик заплатит учителю по условиям договора об обучении.

Очевидно, что онто-гносеологической предпосылкой данного спора являлось чуть позже четко сформулированное софистом Протагором основоположение: «Человек есть мера всех вещей, существующих, потому что они существуют, и не существующих, потому что они не существуют».

Когнитивной предпосылкой нашего спора между учителем и учеником было согласие между ними в том, что не существует одного, единственного истинного знания (*epistema*), а тяжбы людей вращаются вокруг вероятностного, правдоподобного знания (*doksa*).

Вникнув в смысл надежд и мотивов, как учителя, так и ученика безвестный сицилийский судья отказался от рассмотрения, инициированного наставником дела, назвав при этом Тизия «плохим яйцом от плохой вороны». Эпитет, согласитесь далеко не снисходительный для человека, убежденного в том, что у Фемиды, держащей в руках весы справедливости (истины) на глазах обязательно должна быть непроницаемая повязка.

Нам на примере спора Коракса и Тизия в отличие от судьи, еще важнее обратить внимание на то, что мир риторики, как *работницы убеждения*, начинается там, где заканчиваются границы знания истинного, и где перед аргументатором открывается такая перспектива, в которой уже нет места для безличной информации, или сведений (выражаясь современным языком), а бытийствует ориентированное на решение каких-либо практически значимых проблем, *человеко-размерное* знание. Иначе говоря, такое знание, которое, согласно Пармениду, сопряжено с *убеждением* (*peito*).

Пейто у Парменида еще не было, конечно, рафинированным интеллектуальным обольщением (*conviction*) или эмоциональной привязанностью (*per-*

suasion) по отдельности, являлось единым божеством убеждения, которое могло и обвивать золотом шею Пандоры, и побуждать Медину оставить родину. Поскольку Пейто (иногда имя этого древнегреческого божества убеждения по-русски записывается и как Пифо), была если и не одной из ипостасей Афродиты, то, в качестве хариты — спутницей античной богини красоты, любви и плодородия, постольку в ее облике Эмпедоклом объединялись два начала убеждения — и конвиктивное и персуазивное (экспрессивное).

В таком виде убеждение, в качестве, например, убедительного рассуждения, использующего искусственные (технические) риторические инструменты, а также аксиомы и законы, было способно «сделать сильного слабым» и, наоборот. На этом, собственно, и настаивали проницательные исследователи такой стихии риторики, как языка и его оснований — профессиональные учителя античности — софисты Протагор и Горгий.

Старшие софисты сумели выявить неразрывную связь правдоподобного, человеко-размерного знания с затруднениями и проблемами, выпадающими на долю человека в реальной жизни. И нерешенный кем-либо вопрос, и стоящая перед человеком острая проблема, указывали софисты, в языке оформляются как столкновения противоположных мнений, и относительно своей сути, и путей ее решения.

Оценивая связь софистики и риторики, важно не только прислушаться к мнению Гегеля, убежденного в том, что софистика была «эпохой великого расцвета Греции». Не менее поучительно указать на то, что именно софисты выявили теснейшие связи оснований риторики с эристикой — искусством спора, прояснили особенности социализации логоса в условиях полисной демократии.

Обосновывавшаяся софистами специфика социализации логоса побуждала аргументатора к расширению границ когнитивных единиц человеческого бытия, за счет включения в их пределы наряду с доксой, техне, эпистемой, а также первой философией, как *sumtum bonum* и таких единиц, как вопрос, ответ, композиция рассуждения и т.д., и т.п.

Старшие софисты, обосновывая трехэлементный характер организации человеческого дискурса — его членение на введение, основную часть и заключение, сумели показать теснейшую связь между доксой, с одной стороны, и номосами, или юридическими законами, политическими договоренностями, инструкциями для государственных служащих, — с другой стороны. Проведенное софистами «очеловечивание» логоса не могло не быть релятивистским и конвенциональным, но, именно в этом смысле являлось не только гуманным, но и демократичным.

Идеалом софистов был социум, состоящий из людей (демокритовских атомов), подчиняющихся не авторитету традиции, а силе авторитетных аргументов, т.е. такой человек, который «не поддается чужому внушению, а сам может внушить кому угодно — **или вообще всему человечеству** (выд. мною- В.Ч.) — все, что хочет, и при этом не погрешит ни против какой «истины», ибо истиной как раз и будет то, что он сумеет сделать вероятным» [1, с. 125].

То, что софисты отдавали явное предпочтение действиям *Homo rhetoricus* перед обязанностями *Homo logicus*, отнюдь не означало, что *Homologicus* рассуждения игнорировали каноны логики, или являлись сознательными логическими ошибками — софизмами. Проведенная исследователями специальная реконструкция аргументации ученика Протагора Горгия в таких, дошедших до наших дней знаменитых произведениях, как «Похвала Елены» и «Защита Паламеда»,

свидетельствует о том, что рассуждения в них были построены по форме *ponendo ponens* (если *P*, то *Q*; *P*, следовательно, *Q*), т.е. с соблюдением правил условных силлогизмов [9, S. 69,73]. Аргументация для софистов была не просто вербальной, а вербальной и рациональной социальной деятельностью убеждения.

Для более глубокого понимания смысла приведенного выше истолкования смысла аргументации софистами, следует помнить о том, что «греческий разум формировался не столько в ходе *обращения* людей с объектами, сколько во *взаимоотношениях* самих людей. Он развивался не только *в связи* с техникой, посредством которой воздействуют на внешний мир, сколько *благодаря* технике, которая воздействует на других и основным средством которой служит язык, а именно: политике, риторике, дидактике» [3, с.158-159].

То, что предметной областью риторики является человеко-размерное знание, знание правдоподобное и вероятностное, еще не свидетельствовало о наличии для построенной на его фундаменте риторики как науки одной, единственной перспективы реально существовать лишь в виде ситуативного мнения и(или) контекстуально обрамленного искусства (техне) убеждения. На это впервые обратил внимание еще Платон.

Согласно Платону, если философия (диалектика) интересуется знанием истинным (эпистеме), то в риторике анализируется знание правдоподобное (докса). Первое знание – убедительно уже само по себе, тогда, как второе относительно убедительно, т.е. убедительно в зависимости от своего носителя, средства, адресата.

С этой точки зрения, риторика могла быть философски необоснованной (существуя в качестве риторики шарлатанов, которые были подобны врачам, берущимся лечить любую болезнь, не зная ее причин),

и риторикой философски обоснованной, которая так же, как и диалектика не порывала с эпистемой.

В философской, или истинной риторике, согласно Платону, эпистема реализуется в виде истинных типов человеческой души, а также форм бытия государственного управления.

Смысл философски обоснованной риторики Платон специально разъяснил в диалоге «Горгий».

Для этой цели древнегреческий мыслитель обратился к мифу, рассказывавшем об особенностях правосудия в загробной жизни.

Согласно мифу, первоначально боги придерживались правила, согласно которому, человек, живший по правде и справедливости, после смерти попадал на остров блаженных, тогда, как люди нечестивые при жизни попадали в Тартар — место кары и возмездия. Суд при этом вершился легко и быстро — всего за один день.

Однако, многие из его приговоров выносились явно поспешно, а на остров блаженных стали попадать и недостойные обитатели, что, собственно, и побудило правителей острова обратиться с жалобой к Зевсу.

Зевс, прежде всего, выявил причину плохого правосудия. Она заключалась в том, что души недостойных людей нередко были облачены в красивые одежды, что и вводило скорых на решение судей в заблуждение. Поэтому, рекомендовал Зевс, необходимо перестроить саму систему правосудия. Во-первых, необходимо добиться того, чтобы подсудимые представляли перед правосудием нагими, и заранее не знали о дне своей кончины. Во-вторых, нагими необходимо было быть также и самим судьям, которые также должны были быть...неживыми. Согласно мифу предполагалось, что только освобождение человека от всего внешнего и живого (достигаемое через смерть и наго-

ту) и позволит рассчитывать на свершение подлинно справедливого правосудия.

Из платоновского мифа несложно вывести мораль относительно содержания и природы риторики. До тех пор, пока риторика будет иметь дело с мнениями людей, она не может быть надежным инструментом правосудия, и, наоборот, если предметом риторики будет не докса, а эпистема, вполне возможна истинная риторика, иначе говоря, такая риторика, в которой убеждение становится *контактом человеческих душ*. Арбитром данного контакта, очевидно, может выступать или первая философия, или инстанция божественного.

Сферой реализации истинной риторики, согласно Платону, могло быть только идеальное государство, основанное на справедливости, благе, красоте и истине. В то время, как неправильные формы государства, личности и души, например, тимократическое политическое устройство, могло быть связанным лишь с мнимой, или плохой и философски необоснованной риторикой. Поясним это чуть подробнее.

Тимократия, как власть честолюбцев, согласно Платону, реализовывалась через социализацию человека на основе не убеждения, а физического насилия. Данная модальность социализации изначально отличала человека тимократического типа от слова и философии. Тимократический человек, в изображении Платона, существо необразованное, не умеющее обращаться со словом, привыкшее послушно подчиняться властям. Очевидно, что для тимократического человека, истинная риторика убеждения и избыточна, и неприемлема.

Для интересов и потребностей тимократического человека, вполне возможно, поэтому, ограничиться неистинной риторикой, имеющей, например, вид манипулирования настроениями его души.

Наоборот, способом существования истинного аристократического человека, согласно Платону, является не принуждение, а убеждение, слово. Вот почему истинная риторика, как наука об убеждении истинным словом, согласно «Горгию», вполне реализуема в пространстве идеального государства (политеи). Следовательно, несмотря на то, что Платона иногда и до сих пор изображают в качестве противника любой риторики, следует иметь в виду, что великий древнегреческий философ не только искусно пользовался риторическими приемами в своих произведениях, но и проводил различие между истинной (хорошей) и плохой, или ложной риторикой, и при реализации определенных условий, признавал возможность существования риторики как науки об убеждении в соответствии со стандартами эпистемы.

Почти на то же самое в своей первой философии, а также в трактате, посвященном проблемам риторики, специальное внимание обращал ученик и критик Платона Аристотель, который еще более четко, чем учитель различал доксу, техне (tekne) и эпистему. Для классика античной философии, их различение не могло не быть и строгим, и последовательным, поскольку с помощью данных понятий описывались три, *качественно* отличающихся друг от друга когнитивных реальности.

Если сегодня о генезисе и классическом содержании риторики, как риторики мы не можем, в первую очередь, не судить по работам Аристотеля, то при этом не менее важно научиться не упускать из вида следующее принципиальное обстоятельство: четкое и недвусмысленное определение Аристотелем предмета риторики, причем риторики, не в качестве мнения или искусства, но именно как науки (эпистемы).

Цель риторики, — отмечал Стагирит, — «находить возможные способы убеждения относительно

каждого данного предмета», а ее главная задача — поиск того, что «убедительно для всех людей, каковы они есть» [4, с. 19, 21].

Грандиозный вклад Аристотеля в риторическую часть современной аргументологии до сих пор, однако, мешает оценить, идущая еще от римских ораторов традиция, согласно которой риторика рассматривается не в качестве науки убеждения, но исключительно как искусство говорить красиво. Несмотря на то, что в аристотелевском риторическом наследии проблемы красноречия, действительно, занимали важное место, еще более значимой в нем была тема убеждения и аргументации, поскольку именно убеждение являлось предметом ее изучения. Следовательно, для Аристотеля риторика, прежде всего, была универсальной наукой об убеждении, и лишь во вторую, или даже, может быть в третью очередь, искусством говорить красиво.

Аристотель четко различал два вида убеждения — вербальное, связанное с использованием разума (пистис) и невербальное, базирующееся на физическом насилии.

Факторами вербального убеждения были этос (ethos), патос (pathos) и логос (logos) риторического процесса (адекватный перевод смысла которых на русский язык в отечественных работах, посвященных проблемам риторики до сих пор, заметим в скобках, не сформирован). Разновидностями невербального убеждения для него были подкупы, пытки и т.п. Излишне говорить, что сам Аристотель связывал риторику с пистис, или искусством аргументации как социальной, вербальной, рациональной деятельности убеждения.

Аристотелевское учение о пистис включало в себя следующие компоненты — учение об ораторе и аудитории; а также концепции: исходных посылок аргументации; риторической индукции, риторического

силлогизма (энтимемы); общих и частных топосов убеждения; способов соединения и разъединения аргументов.

Если современными специалистами аристотелевские концепции этоса, патоса и логоса аргументации, а также оратора и аудитории считаются заслуживающими чуть ли механического повторения и некритического усвоения, то другим составным частям аристотелевской науки о пистис повезло гораздо меньше, и многие из них до сих пор неоправданно остаются в тени. Эта тень, как мне представляется, не позволяет также адекватно понять и эпистемологическую природу исходных посылок риторической аргументации. А ведь, согласно авторитетному мнению самого Стагирита, они могут быть трех видов: вероятные, несомненные (необходимые) и случайные.

Другими важнейшими элементами риторического убеждения, или пистис у Аристотеля являются риторическая индукция и дедукция.

Строительным материалом риторической дедукции, согласно Аристотелю, являются топосы, которые бывают двух видов: универсальные и частные. Стагирит, различая два вида риторической дедукции (энтимемы) — показательный и обличительный, отмечал, что различие между ними заключено в следующем: посылки показательной энтимемы признаются аудиторией, и, наоборот, в обличительной энтимеме аудитория не разделяет посылок, используемых оратором.

В «Риторике» Аристотеля было рассмотрено несколько десятков схем аргументации, что, собственно, и дает нам веские основания рассматривать первообраз старой, или классической риторики, по крайней мере, в том виде, который ему придал Аристотель в качестве аргументологического, т.е. имеющего непосредственное отношение к философии теории и прак-

тики аргументации. Философские основания классической, или старой риторики были также тесно связанными с субъект-субъектными, персонифицированными как отношения оратора-слушателя (аудитории) сторонами мыслеречевой коммуникации, ее целями, задачами, правилами, типами.

Схема риторики как науки об убеждении у Аристотеля схематично имела следующий вид. Отправной пункт *пистис* – общие посылки дискурса, разделяемые одновременно и оратором (аргументатором) и аудиторией (слушателем). Опираясь на них, аргументатор находит (изобретает) риторические примеры и энтимемы; затем он располагает их в определенном порядке (например, в начале, середине, конце аргументационного дискурса) и подбирает наиболее убедительные и выразительные языковые и стилистические средства их выражения. Это означает, что аргументация как убеждение в классическом каноне риторики Аристотеля была непосредственно связана и с поиском, и с композицией, и с выразительностью аргументации.

И сам Аристотель, и другие античные риторы для обозначения различных состояний убеждения использовали несколько понятий, среди которых были, как «аргументация», так и «доказательство (подтверждение)», и «вопрошание» и др. [8, Bd.I, S. 148-149].

В I-ом в. до н.э. классический канон риторики как науки был представлен в анонимном трактате, иногда, впрочем, приписываемом Цицерону, – «Риторика к Гереннию».

В нем риторическая наука была представлена в своем классическом и дошедшем до наших дней пятиэлементном виде, в котором уже не только его четвертая и пятая части (соответственно *memoria* и *action*), но и третья (*elocutio*) уже не имели непосредственной связи с задачами аргументации.

В отечественной науке, к сожалению, до сих пор не выработано единого определения составных частей канона риторической науки, смысл первой, второй и третьей частей которой, т.е. *inventio*, *dispositio* и *elocutio*, как мы обосновали в другом месте, наиболее точно выражается с помощью следующих категорий — “поиск”, “композиция”, “экспрессия”.

Уже классическая, или старая риторика включала в себя две, относительно независимые друг от друга ориентации — аргументационно-центричную и экспрессивно-центричную и именно данные ориентации до сих пор по преимуществу и определяют смысл и значение выражения «новая риторика».

2. Новая риторика

В современной литературе в активном обороте находится выражение «новая риторика».

Разумно полагать, что различия между старой и новой риторикой могли актуализироваться всякий раз, когда происходило переосмысление предмета, целей и задач риторической науки или даже поиск ее национальной специфики. Например, для Феофана Прокоповича, современная ему польская риторика по отношению к другим риторическим концепциям была новой. Очевидно, что риторика Аристотеля по отношению к риторике Квинтилиана была в определенном смысле старой, а последняя была старой по отношению к риторике Х.Перельмана.

Наряду с указанными аспектами семантики выражений «старая риторика» и «новая риторика» в современной научной и педагогической литературе все более и более заметным становится другой аспект рассматриваемой семантики. Его смысл можно выразить с помощью вопроса: «А как соотносится, создаваемая тем или иным автором и являющаяся по его собствен-

ной оценке новая риторика, с риторическим наследием?»

Разумно полагать, что методологической матрицей постановки данного вопроса может быть гегелевское снятие. Его использование позволяет выделить три типа отношений между старой и новой риторикой — тождества, различия, противоречия. На первый взгляд, вряд ли какой-нибудь серьезный исследователь возьмется защищать представление о том, что понятия «старой и новой риторики» тождественны или, наоборот, контрадикторны. Действительно, если новая риторика является другим именем для риторики старой, то, напрашивается вопрос, а что же в ее содержании является новым и, наоборот, если старая и новая риторика не имеют ничего общего, то, как можно говорить о том, что одна из них является риторикой вообще.

Вместе с тем в работах отечественных филологов нередко найти утверждения о том, что «теория риторики уже создана и современным исследователям остается лишь комментаторская работа». С другой стороны, не редкостью также являются и прямо противоположные суждения, например, такого вида: «современная риторика является синтезом лингвистики, семантики, герменевтики и т.д. и т.п.», что невольно наталкивает на мысль о том, а является ли современная, или в этом смысле новая риторика, риторикой вообще.

Разбирая особенности семантики понятий «старая риторика» и «новая риторика» важно обратить внимание на то, что в современной научной литературе представлен мультиверсум значений выражения «новая риторика».

Сегодня новой риторикой называют *и научную стадию* развития старой риторики (Й. Коппершмидт), и риторику как науку в отличие от старой риторики, как только искусства (П.Ц. Агаян), и учение о фигурах

речи (льежская группа «ми»), и теорию аргументации (Х. Перельман).

Важное место в мультиверсуме смыслов выражения «новая риторика» занимают также представления о том, что она является теорией взаимопонимания людей (А. Ричардс), системой принципов вербальной коммуникации и персуазивных компонентов работы современных средств массовой информации (СМИ) и др.

Как представляется, в методологическом смысле понятия «старая риторика» и «новая риторика» являются веберовскими «идеальными типами», не имеющими одного единственного референта. Их назначение, как и любого другого идеального типа, состоит в упорядочивании массива знания, его категоризации, систематизации и фиксации преемственной связи.

С этой точки зрения, новая риторика Перельмана, имеющая больше общего с риторикой Аристотеля, чем с риторикой О.Талона, относится к одному массиву знания, а новая риторика льежской группы ми и риторика Квинтилиана к другому. Новую риторика Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки можно, поэтому, назвать аргументационно-центричной риторикой, тогда, как новую риторика льежской группы ми – риторикой экспрессивно-центричной.

Следовательно, анализируя природу как старой, так и новой риторики, очень важно научиться соотносить ее с соответствующими философскими основаниями, в особенности, с методологическими ориентациями. Изучая же философские основания старой и новой риторики, очень важно понять, о каком именно массиве знания, или совокупности философских оснований идет речь, когда используются выражение «старая риторика» и «новая риторика», и какие преемственные связи существуют между старой и новой ри-

торикой и другими массивами знания (философией, логикой, герменевтикой, лингвистикой и пр.).

По нашему глубокому убеждению, и старая и новая риторика являются все же риторикой, а не герменевтикой, стилистикой, грамматикой и т.п., и т.д. Более того, аргументационно-центричное и экспрессивно-центричное обличье риторики, которое, так или иначе, представлено и старой, и в новой риторике не исключают, а дополняют друг друга. В такой перспективе, схемы аргументации, взятые из корпуса аргументационно-центричной риторики вполне можно представить в качестве фигур речи и мысли, т.е. имеющих свое определенное место в корпусе риторики экспрессивно-центричной и, наоборот, фигуры мысли и речи экспрессивно-центричной риторики вполне представимы в виде особых аргументационных конструкций [6, с. С. 39-49].

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Вступительная статья // Идеи эстетического воспитания. М., 1973. Т.1.
2. *Аристотель.* Риторика // Античные риторики. М.:МГУ, 1978.
3. *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
4. *Гомперц Т.* Греческие мыслители. СПб, 1913.
5. Риторика // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб, 1899.
6. *Чуешов В.И.* О единстве логики и риторики в анализе аргументационного дискурса // Логико-философские штудии, 2008.- №.6.
7. *Эмпедокл* // Фрагменты ранних греческих философов. М.:Наука, 1989.
8. *Lausberg H.* Handbuch der Literarischen Rhetorik. Munchen, 1973.

9. *Tuszynska-Maciejewska R.* Filozofia w Retoryce Gorgiosza z Leontyny. Poznan, 1987.

Об авторе

Чуешов Виктор Иванович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь, tchoue@pac.by, tchoue@mail.ru.

About author

Prof. Viktor I. Chuyeshov, head of the Department of Philosophical Sciences, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, tchoue@pac.by, tchoue@mail.ru.